

Мария
Давыденко

ПЛАН «ПОБЕДИТЕЛИ»

Мария Давыденко

План «Победители»

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Давыденко М.

План «Победители» / М. Давыденко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Май, 41-го, Брест. У майора Гришина случилась личная трагедия – у него при родах умерла жена, затем умер и младенец. Майор совершает неудачную попытку самоубийства, после чего Гришина отправляют в психиатрическую лечебницу в Новинки. Когда начинается война, он бежит из Новинок и его восстанавливают на службе. Во время обороны Могилёва он знакомится с Верой – девушкой-хирургом, дочерью генерал-лейтенанта. Чтобы во время Смоленской обороны привлечь немцев в Ярцево, предводитель партизан, Батько, он же Митрополит Смоленский и Рославльский, решает устроить венчание Гришина и Веры...

© Давыденко М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мария Давыденко План «Победители»

Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что

меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с

дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того

материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли.

А. П. Чехов «Чайка»

Шпакову А. И.

ГЛАВА I

Не ставшие героями Бреста

Гришин проснулся от того, что было поразительно тихо. «Я умер», – подумал он. Ему показалось, что в окне светит сразу два солнца. Потом майор понял, что второе солнце – это бликующая керосиновая лампа.

Любой звук показался бы ему сейчас взрывом. Когда каркнула ворона, он вздрогнул.

«Нервы ник черту», – объяснил он свою панику. Жены рядом не оказалось. Гришин закурил папиросу и подошёл к окну. Тишина казалась ему в последнее время чем-то пугающим или даже аномальным.

– Паша, я рожаю! – его жена стояла в дверях и вся тряслась.

– Так два месяца же ещё осталось.

– Ну извини, что с тобой не посоветовалась!

Гришин умылся, вытер лицо полотенцем и только потом сказал:

– Сейчас пойду за фельдшером.

Майор со всех ног помчался к дому фельдшера, но вдруг решил, что на велосипеде будет быстрее, вернулся, открыл сарай и вытащил ржавый агрегат. Гришин крутил педали, а за ним над Брестской крепостью продолжало восходить солнце.

– Вы сегодня рано, майор! – встретил он караульного.

– Жена рожает.

– Поздравляю.

– А ты что здесь делаешь? – спросил он, увидев выходящего из-за угла старшего лейтенанта Попадейкина, в руках у него была большая болоньевая сумка.

Попадейкин состроил удивлённое выражение лица. Майор остановил велосипед.

– Я не пойму, ты опять у меня за спиной самогоном торгуешь, Валера!

– Я… Це ты балакаешь? Як можно ничего не бачить?!

Гришин подошёл к лейтенанту и выхватил у него сумку. Тот не сопротивлялся, ведь майор был гораздо крупнее его. Гришин достал из сумки большой бутыль.

– А это что?

– У рядового уродини. Я ему решил подсобить.

– Не ври мне! Я знаю, что ты на говор переходишь, когда виноват. Ты мне обещал прекратить! Рядовой, свободен!

– Слушаюсь.

Караульный поспешил вернуться на пост.

– Валера, ещё раз застукаю тебя, я не посмотрю, что мы с одного селения, и что в одну школу ходили.

– Я тебе первый лук из ветки сделал.

– Не дави на жалость!

– Мы из цебарки пили мою первую горилку.

– Я сказал, не дави на жалость.

– А куды ты намылился на рассвете?

– Жена рожает. Нужно найти фельдшера. Или кого там.

– Поздравляю! Думаю, этот бутыль нам ещё пригодится.

– А то! Но я слежу за тобой. А ну домой! Командир взвода, мать его, барыжит тут с утра пораньше. Тебе через два часа на службу.

– Слушаюсь, командир.

Командир снова сел на велосипед и поехал дальше. Минуты две он таращил в форточку дома фельдшера, наконец, тот показался.

- Что-то случилось, майор?
- Жена рожает. Нужна ваша помощь.
- Вовремя, ничего не скажешь.

* * *

Уже прошло часа три, как Гришин слышал жуткие крики из соседней комнаты, но до сих пор не раздалось детского плача.

- Роды могут и целый день проходить, майор, – успокоил его Арсений Петрович.
- Это наш третий ребёнок, кому бы рассказываете!
- И правда!

Ожидание для Гришина было мучительным, как и всё это утро. Он ходил от зеркала к шкафу и обратно, потому что поскрипывание деревянного пола его успокаивало. Майор с ужасом посмотрел на часы – через пару секунд кукушка должна была прокуковать семь раз. Он не выносил этот звук с тех пор, как повесил в доме часы. Иногда Гришин нарочно хотел поругаться с женой, чтобы был повод разбить её подарок на его день рождения. Когда кукушка куковала двенадцать раз, он думал о том, что хорошо, чтобы именно сейчас началась война и заглушила эту ненастоящую птицу.

Кукукукукукукуку. Затем Гришин услышал детский плач. Он тут же бросил папиросу в умывальник и ворвался в комнату.

- Мальчик, – объявил Арсений Петрович.

Майор взял младенца на руки. Он был весь в крови и почему-то показался ему похожим на чернослив.

- Мы назовём его Петькой. В честь моего бати.
- Его жена молчала.
- Кровотечение не останавливается.
- Что?!
- Кровотечение не останавливается.
- И что делать?
- Нужен доктор. Нужно послать в госпиталь за доктором.
- А ты ни что не способен разве?
- Обычно роды – плевое дело. Но что-то пошло не так. Плацента. Срочно нужен доктор!
- Гришин отдал ему ребёнка и побежал в детскую.
- Лёва, проснись!
- Мама так кричала, что я уже давно не сплю.
- Светловолосый мальчуган протёр кулаками глаза.
- Срочно беги в госпиталь! Найди там доктора Спиридонова. Или беги к нему домой, он ёще, наверное, там.
- Так сначала бежать в госпиталь или к нему домой?
- Я сейчас ничего не соображаю. Сам разберёшься, восемь лет как-никак.

Пацан вскочил с кровати, схватил штаны и, на ходу их надевая, побежал во двор.

- Пап, а меня братик или сестричка? – спросонья поинтересовалась его пятилетняя дочь.
- Брат.

Майор вернулся в спальню к жене. Она неподвижно лежала на постели. Её тело на перине словно образовало гипсовый слепок. Гришину показалось, что ещё чуть-чуть, и его жена утонет в этой белой массе. В углу лежали окровавленные простыни.

Она тяжело дышала и будто боялась пошевелиться, или у неё просто не было на это сил. Майор взял жену за руку.

– Паша…

– Я здесь, мать.

– Можешь, хотя бы сейчас не называть меня так?!

– Таечка…

Гришин вспомнил, как умер его отец. Он, восьмилетний мальчик, остался тогда единственным мужчиной в семье. Его тогда словно окатили холодной водой и объявили, что детство закончено. Село Тарасовка тогда ему показалось одной сплошной могилой для его отца – всё ему напоминало об этом крестьянине. Вот здесь он рыбачил с отцом, вот здесь он рубил с ним дрова, здесь он пас с ним коров, здесь слушал, как он играет на гармони. Поэтому, когда через год мать вышла замуж за киевского инженера, он был только рад. Они уехали. Только благодаря отчиму Гришин окончил больше четырёх классов. Только благодаря ему попал в училище. Сейчас он подумал о том, что его сын в восемь лет может остаться без матери. Затем подумал, о том, что никто не умеет пекать такие пышки и делать такой каймак, как его жена. «Я даже не знаю, где лежит соль в этом доме! – запаниковал Гришин. – Я не умею жить один».

– Паша, кажется, я умираю.

– Всё будет хорошо! Не говори так!

Она будто прочитала его мысли.

– Я не боюсь умереть. Может быть, там лучше, чем здесь. И я не хочу войны. Но я боюсь за тебя. Ты даже не знаешь, где сахар в этом доме. Ты совершенно не умеешь готовить.

– Вот видишь, я не смогу без тебя!

– Сахар и соль, кстати, в нижнем правом ящике. Гречка в ящике над ними. Консервы я спрятала в сундук.

– Твою мать!

– Я беспокоюсь за тебя. Но ты справишься. Ты в Испании был, вернулся. И для советского офицера нет задач, с которыми он не справился бы. Ты всё преодолеешь.

– Помнишь, когда я приехал к бабке на побывку в Тарасовку, я так напился, что чуть не замерз в снегу. Ты погрузила меня в сани и довезла до хаты. Ты уже тогда спасла мне жизнь. Потом ты спасала меня следующие десять лет.

– Теперь ты будешь спасать себя сам, дорогой. Ты – сильный. Только не забывай поливать мои грядки!

– Твою мать! Не хорони себя раньше времени.

– Я люблю тебя, майор.

– И я тебя люблю.

– Помни только хорошее. Плохое и само не даст себя забыть.

– Я не могу сказать о тебе ни одного плохого слова.

Майор сел на табурет. Они замолчали и просто держали руки вместе. Арсений Петрович не нарушал семейной идиллии и просто напил себе чаю. Новорождённый понял, что сейчас до него никому нет дела, и притих.

Гришин задремал. Его разбудил Лева, который вернулся с доктором. Спиридонов пощупал пульс у хозяйки дома.

– Она мертва. Слишком поздно.

«Слишком поздно для чего? Для того чтобы дать по морде этому бестолковому фельдшеру?!» – подумал про себя майор.

– Мама, мама, мама, – завопил Лёвка.

Майор не стал его успокаивать. Ему дико захотелось на свежий воздух. Он чуть не сорвал занавеску на двери, когда направился во двор. Ярко светило солнце. Оно явно не разделяло его несчастья. Оно словно насмехалось над ним. Легкий ветерок, птички поют, всё зелено.

Он столько лет был домашним тираном, избалованным ребёнком, а сейчас его королевство рухнуло, и природе, похоже, на это наплевать. Он подошёл к колодцу, набрал ведро холодной воды и облил себя.

Мокрый, покинутый, несчастный он присел на крыльцо. Рыжий кот пристроился с ним рядом. Майор погладил своего питомца. Тот в ответ лизнул ему руку. Гришин заплакал – наверное, впервые в жизни. Нет, в последний раз он плакал года в четыре, когда соседский мальчик забрал у него трехколесный велосипед.

Новорождённый умер через час.

* * *

Утром он проснулся и увидел, что оба его ребёнка смотрят на него.

– Мы есть хотим.

На печи стоял только чугунный утюг. Майор вспомнил о супе, который ему всегда варила бабка – с галушками. Нужно было сделать небольшой кусок теста из муки и воды, потом разорвать его на мелкие куски и покидать в кипящую воду. Добавить картошки, в конце разбить в суп яйцо.

Гришин десять минут искал муку, кастрюлю ему помог найти сын. Тесто прилипало к столу и к пальцам. В этот момент он снова хотел заплакать, но с него не сводили глаз дети. Картошку, однако, он почистил мастерски, гарнизонная жизнь и не такому научит. Скоро суп был готов.

Голодные дети с жадностью принялись его поглощать. Умяли всю кастрюлю.

– Вкусно?

Они лишь утвердительно покачали головами.

Он вспомнил, что в соседней комнате два трупа. Майор понял, что маленького гробика у могильных дел мастера он не найдёт. Гришин с тоской посмотрел на несколько крупинок чайной заварки в своей алюминиевой чашке. «Жаль, что люди не воют, как волки», – досадовал он.

– Батя, а мамка почему всё время молчит и не двигается? – поинтересовалась его дочь.

– Аська, я ж тебе вчера сказал, что она умерла! – шикнул на неё старший брат.

– А что это значит?

– Это значит, что она никогда не вернётся, и её закопают в земле. И братика тоже.

Аська забыла про остатки супа и завыла.

– Смотри, что ты наделал! Твоя сестра теперь будет реветь весь день.

– Скоро всё равно война скоро. Она так и так узнает, что такое смерть.

В дом бесцеремонно вошёл Попадейкин. Он снял фуражку. Его коротко стриженные темные волосы были похожи на погоревшее пшеничное поле. Лейтенант потоптался на маленьком коврике кирзовыми сапогами, хотя обувь была безупречно чистой.

– Здоровенько булы. Черевички не буду снимать. Как вы? Трошки получше? А шо мелкая воет?

– Лева сказал, что маму и братика закопают в земле.

– Это мы Левку закопаем в землю, если буде такие пакости балакать.

Попадейкин заехал ему по затылку. Аська показала брату язык и принялась за чай.

– Аська, твоя мама отправилась в ту страну, куда улетела на ласточеке Дюймовочка. И братик тоже.

– А почему тела остались, дядя Валера?

– А без тел проще. В стране, где живёт Дюймовочка, живут без тел – и им не нужно мыться, в туалет ходить, вещи стирать.

– Я тоже туда хочу!

– Все там буде, любонька. А сейчас мы с твоим батей пойде дилать плот для твоего братика. Постолярничаем.

– Да, только хотел тебя просить. Левка, за старшего!

– Так точно.

– Смотри у меня!

Майор отвесил Левке подзатыльник.

– За что?

– Чтобы не расслаблялся.

Они нашли во дворе какие-то доски. Взяли пилы, струганок, гвозди, молоток.

– Ты умеешь то ящики делать, командир?

– Ничего я не умею. Только воевать. Даже жить один не умею.

– О, кручина, беда, хвороба. Тибе тридцать три. Вся жизнь впереди. Новую жену найдёшь.

– Легко тебе говорить. Ты по поварихам до сих пор бегаешь, хотя тебе за тридцать. Как кот мой в марте по кошкам.

– Люблю дивчин. Все хороши. Хочешь познакомлю с одной?

– Ты рехнулся? Я второй день вдовец.

– Я просто пытаюсь поднять тебе настроение.

– Стругай доски давай!

– Немцы напали на Крит. Сволота! Как вообще государство, которое проиграло в Первой мировой, может иметь такую армию?! Эти англичане долибирались.

– Да, напиши претензии английскому правительству. Заодно попроси Черчилля прислать нам бренди, а то твоя горилка на дубовой коре и малиновых ветках уже поперёк горла.

– Я в райком всегда писал, и до английского правительства доберусь. Раскормили Гитлера.

– Не произноси его имени!

– Тот, чье имя не нельзя называть, скоро и до нас доберётся.

– И мы покажем ему кузькину мать!

* * *

Устройство похорон, изготовление гробика для младенца, домашние хлопоты как-то отвлекали майора от грусти. Но, проснувшись на рассвете после похорон, он будто только что вспомнил – его жены больше нет.

«Надо же, несколько минут я думал, что у меня третий ребёнок, что моя жена будет воспитывать его со мной. Я уже почти поверил, что так оно и есть... Несколько минут я был так счастлив!»

Он не мог снова уснуть. Тогда он вспомнил армейскую игру – солдаты подвешивали бутылку на дерево за верёвку, раскачивали её, словно маятник, и потом пытались попасть в неё камнем (иногда выстрелом). Они называли эту игру «Движущийся объект». Говорят, развивает координацию и точность.

Майор взял верёвку, бутыль, нож – сегодня он хотел попасть в цель ножом, фуражку и отправился к реке.

Гришин не поленился залезть на дерево, привязать верёвку. Он подумал, как нелепо это сейчас, наверное, смотрится. «Проще было выпить снотворное», – решил он. Когда он завязывал узел для бутылки, раздался крик:

– Царица небесная! Майор, что же вы делаете?!

Это была связистка Лидочка, которая этим утром шла окольными путями от Попадейкина. Так как Лидочка была весьма общительной особой, и у неё были средства связи, к восьми утра уже вся дивизия была уверена, что майор Гришин хотел повеситься.

Утром все замолкали, как только он приближался к какой-нибудь группе военных. Все таращили на него глаза и шептались за его спиной.

– Бедняга, такое несчастье! Его можно понять.

После полудня его вызвали к командиру дивизии. Генерал-лейтенант встретил его крайне дружелюбно. Налил ему выпить, усадил в кресло, предложил папиросу.

– Курсанты Фрунзе академии врага скосят получше эпидемии!

– Да, да, товарищ командир, помню такую кричалку. Так чем обязан?

– Ты вообще как? Держишься?

– Советского офицера могут сломит только злые языки. Товарищ командир, я не собирался вешаться. Лидочка не так всё поняла.

– То есть ты не стоял на берегу под деревом с верёвкой? На портрет вождя смотри, не ври мне!

Дородный генерал указал папиросой на портрет Сталина и ударил кулаком по столу.

Гришин понял, что дела его плохи.

– Вы знаете, есть такая игра «Движущийся объект». Подвязываешь бутылку на верёвку, раскачиваешь, пытаешься попасть.

– Помню такую забаву. И ты решил на рассвете в одиночестве поиграть?

– Мне не спалось.

– Советский офицер засыпает, как только склонит голову на подушку!

– Да, но иногда у советского офицера случаются несчастья, он беспокоится, хочет постремлять в бутылочку.

Генерал-лейтенант насупился. Налил еще по стопочке.

– Толковый ты мужик, Гришин, но с нервами у тебя сейчас явно не в порядке. Вот что я предлагаю. Ты поедешь в Новинки, подлечишься, затем вернешься в строй.

Майор аж подскочил на стуле.

– Новинки?! Это тот дурдом?! Вы хотите, чтобы я совсем с ума сошёл?! Чтобы мне лоботомию сделали, пытали электроразрядами?!

– Не кипятись, не кипятись! Твои представления о психиатрии слишком поверхностны. Наука шагает вперёд. И это не дурдом, как ты изволил выразиться. Республикаанская психиатрическая больница. РПБ.

– Вы хотите сказать, что она стала похожа на санаторий?!

– Не совсем.

– Командир, родненький, война скоро, а меня в дурдом. Не поступайте так со мной!

Лучше сразу под расстрел.

– Майор, я не консультироваться с тобой надумал. Решение о твоём отъезде принято. Это приказ. Будешь паинькой – через месяц вернёшься. А война – она никуда от тебя денется. Сейчас время, как раз, для таких, как мы, вояк.

– А дети?

– Поедут в Киев в бабке с дедом. Сопровождать их будет Попадейкин. Пусть глаза мне не мозолит! И Христа ради, проследи, чтобы он уничтожил самогонный аппарат! А то и его отправлю в Новинки – лечиться от страсти к горилке.

– То есть выбора у меня нет?

– Так точно.

– Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант! Разрешите идти?

– Разрешаю. Едешь завтра.

Это было двадцать второе мая сорок первого.

ГЛАВА II

Женщина со скальпелем

* * *

Верочка была очень даже симпатичной девушкой, но это трудно было заметить – за очками с «черепашьей» оправой, белым халатом, больничным чепчиком. И у неё всегда было такое выражение лица, будто тяжесть всего мира легла ей на плечи, или гримаса «я всех ненавижу». Работа была у неё тяжелая. Вера не искала лёгких путей. Она была хирургом в городской больнице имени Сергея Петровича Боткина.

Она каждые десять минут хваталась за голову: «И как меня угораздило?!» Но призвание есть призвание. Постоянный стресс, кровь, крики, насмешки, стремление доказать, что она не хуже мужчин. И так с утра до ночи. Но Вера, наступив черные брови, продолжала заниматься любимым делом. Высокая, статная, крепкая, стройная, но вечно замученная. Красивая, но уставшая. Остроумная, но агрессивная. В общем, сплошной клубок противоречий.

В этот вечер она была на дежурстве. Две медсестры устроили в ordinаторской чаепитие. Верочка тоже не отказалась от сушек с маком. Разговоры пошли на обычные темы.

– Вот странно, – негодовала медсестра Катюша, – этот артист Малого драматического такой здоровенный лоб, а сами видели, какого размера его мужское достоинство. Я думала, что после операции он к нам подойдёт и скажет: «Только никому не говорите».

Верочка и вторая медсестра Таня засмеялись во весь голос и чуть не поперхнулись чаем.

– Катюша, ну ты как скажешь! – сказала Вера и надкусила сушку.

– Я себя прям хранительницей великих тайн чувствую. Столько известных людей у нас оперировались. Помните того прокурора? Можно сказать его жене про родимое пятно на ягодицах и всё, брак разрушен.

– Затейница, – произнесла Таня и сделала глоток чая. – Зато меня даже мой голый муж при включенном свете не пугает.

Все снова засмеялись.

В ordinаторскую зашла третья медсестра – Ангелина, она была постарше всех собравшихся. Девушки тотчас замолчали.

– К нам с подозрением на аппендицит привезли. Закругляйтесь с чаем, девочки!

– А только разговорились! – досадовала Катюша.

– Вера Геннадьевна, вы поосторожнее! Солидный пациент.

– Солидный в смысле веса или в смысле социального статуса?

– И то и другое. Он из самого…

– Из самого что? Говори внятнее, я ничего не понимаю.

– Из самого ЦК.

– Матерь божья! А если ж что-то пойдёт не так, нас же посадят?! – запаниковала Катюша.

– Спокойно, Катя! Без истерики. Может, позвонить Всеволоду Владимировичу? Я не хочу оперировать шишку! Нет, нет, нет.

– Вера Геннадьевна, Всеволод Владимирович просил его не беспокоить. Должен же быть у человека выходной, в конце то концов. Вы справитесь.

– Хорошо, девочки, приступим.

Вера стремительно направилась в сторону операционной. Она энергично распахнула дверь и подошла к пациенту. Ангелина, немного запыхавшись, догнала её и вручила медицинскую карту, а затем скрылась на пост. Следом показались медсестры.

– Здравствуйте! Вера Геннадьевна.

– Аркадий Аркадьевич.

– Где болит?

Она приложила ладонь ко лбу больного.

– Температура есть. Покажите язык! Белый. Аппендицит. Будем оперировать.

Аркадий Аркадьевич словно позеленел.

– А кто будет оперировать?! Вы?!

– Врач-хирург Кузнецова, приятно познакомиться.

– Да ты ж девчонка совсем!

– Я молодо выгляжу, но на самом деле мне тридцать один.

– Слабо верится.

– Вам показать мой паспорт, диплом, аттестацию?

– Было бы неплохо. А нельзя позвать другого врача?

– К сожалению, сегодня дежурю я.

– Дочь, вызовите, мать его, врача! Мне же больно.

– Я – врач.

– Вызовите другого врача!

– Я думаю, к его приезду он вам больше не понадобится. И тогда вы сможете лечиться хоть у Антона Павловича Чехова.

Больной прижал колени к животу. Вере показалось, что зрачки сейчас у него просто выпрыгнут из глаз.

– Это что – хирургический юмор?

– Немного.

– Вызовите врача!

– Катюша, срочно побеспокойте Арнольда Яковлевича. И пусть готовят анестезию.

Катя захлопала ресницами.

– План Б, – прошептала ей Вера на ухо.

В считанные минуты Катюша оказалась на улице. Она без промедления прошла в дворницкую.

– Арнольд Яковлевич, вас требует Вера Геннадьевна.

Арнольд Яковлевич перевернулся в сторону Катюши на диване.

– Снова? Что-то нынче востребован. Благодарность прежняя?

– Пол-литра чистого спирта.

Арнольд Яковлевич оживился и поспешил встать с дивана. Они с Катюшой поднялись в отделение. Она на ходу надела на него больничный халат. Арнольд Яковлевич чем-то действительно походил на Антона Павловича Чехова – у него были подобные очки, усы, бородка, он был высок. И с тех пор, как Вера Кузнецова начала самостоятельно оперировать ему не раз удавалось почувствовать себя медиком.

– Я только собрался спать, отложил газету, как мне позвонили!

– Простите, доктор! Аркадий Аркадьевич требовал вас. Он предпочитает умереть тому, чтобы его оперировала женщина.

– Что за предрассудки право! Но раз я уже здесь. Готовьте анестезию!

– Вы Антон Павлович?

– Кажется, пациент готов. Приступайте! Скальпель!

Верочка протянула дворнику флакон спирта.

– Что бы я без вас делала, Аркадий Аркадьевич!

– Всегда раз помочь. Целую вашу ручку.

– В другой раз. Я уже продезинфицировала руки. Скажите Ангелине, пусть отдаст вам наши сушки.

– Вы – чудо, Вера Геннадьевна.
– Вы мне льстите.

* * *

После операции Вера чувствовала себя выжатым лимоном. И дело было не в сложности операции, а в моральном давлении.

– А представляешь, если что-то пойдёт не так?! – нагнетала обстановку Катюша. – И как ты разрежешь этот тройной слой жира? Смотри, я и не вижу его мужское достоинство.

Катюша, конечно, была слегка назойливой и фамильярной, но специалистом хорошим, и, в принципе, Верочки она нравилась. Но в такие моменты она хотела кинуть в неё что-нибудь.

После операции Вера прилегла в палате и уснула. Через час её разбудила Таня.

– Твоя подруга приехала. Корреспондент «Огонька».
– Ах, я и забыла, что ей обещала.

– И тебя никогда не мучает совесть после того, как мы аборты девушки делаем? Я никак не разберусь, как к этому отношусь.

– Я оцениваю душевное состояние девушки, степень её решимости, семейное положение, ситуацию. И девушка – не кошка, она имеет право не рожать, если мужчина не собирается ей помогать. И ты же знаешь, деньги мы с тобой берём только с тех, которые способны заплатить, а с других нет. Ведь в противном случае они могут обратиться к какому-нибудь мяснику. Это наша с тобой гуманитарная миссия.

– Согласна. Так жалко этих беспризорных детишек. Я каждый раз плачу, когда их встречаю.

Вера поправила волосы, надела халат и отправилась в операционную.
– Здравствуй, Наташа! Как твои дела? Ты не передумала?

– Нет, Верочка. Ты – моё спасение. Он – женатый человек. Родители со свету меня сжигают, ты их знаешь. Я не передумая.

– Завтра утром сможешь отправиться домой. Тогда приступим.

Всё прошло хорошо. Ещё отец всегда говорил Вере: «У тебя рука легкая». С тех пор она и уверила, что есть в её руках какая-то волшебная сила. Сначала она ходила в музыкальную школу на уроки игры на фортепиано, а потом решила стать хирургом. Именно хирургом. Она не хотела быть ни педиатром, ни терапевтом, ни стоматологом. Только хирургом. Хирургия казалась ей чем-то заоблачным – высшим пилотажем. Она хотела доказать себе, что справится.

– Золотые у тебя руки! – говорила ей постоянно Таня.

И руки у неё были изнеженные, красивые, с какими-то плавными контурами, интересными движениями. Они привлекали внимание.

* * *

Отработав затем дневную смену, Вера отправилась домой. Летняя Москва не захватила её своим очарованием, так она хотела быстрее переодеться, основательно поесть, почитать книжку, желательно Чехова.

В троллейбусе она задремала и чуть не пропустила свою остановку. Дверь квартиры ей открыла их домоправительница Ольга Семёновна.

– Верочка, а у нас гости. Проходи ужинать!

Вера сразу почувствовала неладное – засаду. Интуиция её не подвела. В столовой она увидела своего отца, генерала-майора Кузнецова, и полковника Одинцова. Полковник уже месяц не уставал посещать их квартиру, приносить с собой тортики, чтобы очаровать Верочку. На все его знаки внимания она отвечала отказом, но полковник не сдавался. Вере не нравились

его залысины у висков, противный командный голос, совершенно огромный лоб, но что особенно её раздражало – его манера коверкать ударения в словах и очевидные ошибки в грамматике. Одинцов всегда говорил «накласть пюре», «вылаживать правду», «позвОнит», «шелкОвый». Её всю передёргивало каждый раз, когда полковник употреблял слово «плебисцит», а делал он это довольно часто. Ещё он любил слово «пертурбации». И всегда его «умничанье» выглядело крайне нелепо и смешно. Ещё у него с трудом застёгивались пуговицы на кителе, потому что он очень быстро набрал вес, когда его повысили в звании. И каждый раз, когда полковник говорил о своей покойной жене, он вставлял комментарий «святая была женщина». В этот момент Вера всегда думала: «Конечно, святая. Столько лет тебя терпела. Наверняка, там её причислили к святым мученикам». И хотя полковнику было чуть больше сорока, он выглядел на один возраст с её отцом, потому что тот был постройнее и меньше пил.

– А вот и Верочка! Присаживайся! Ольга Семёновна сегодня подготовила нам кулебяку, рассстегайчик.

Отец пододвинул ей стул. Верочка тяжело вздохнула.

– Как рабочий день?

– Устала очень, папа. Кстати, привозили твоего знакомого – Аркадия Аркадьевича.

– Как?! Что с Аркадием Аркадьевичем? Надеюсь, он выздоровел, – бесцеремонно вмешался в беседу Одинцов.

– Аппенди克斯. Его уже выписали.

– Какая радость! Нужно будет ему позвонить. Вы кушайте, кушайте, я ещё тортик принёс.

– Виктор Петрович, вы меня право закормили тортами. Скоро я в эту дверь не смогу проходить.

– Ничего, чай не крепостные, новую, если что, поставим, – успокоил Вера отец.

Но ей и кусок кулебяки в рот не лез. Её явно сватали. Она даже пожалела, что сейчас в цветастом ситцевом платье. Нужно было прийти домой в больничном халате, чепчике, очках в «черепашьей» оправе. Может, хоть это отпугнуло бы жениха.

– Я вам принёс пластинку – Шаляпин «Эй, ухнем». Надеюсь, вам понравится.

– Верочка больше любит Бетховена, – проговорилась Ольга Семёновна, подавая чай.

– Так давайте как-нибудь сходим в консерваторию!

– Отличная идея! Дочь редко куда-нибудь выходит. С работы домой – из дома на работу, – не унимался генерал-майор.

– Возможно, когда-нибудь.

«В следующей жизни», – закончила мысленно фразу Вера. Она взяла графин с водкой и налила напиток в рюмку Кузнецова, а затем залпом выпила. В этот момент Ольга Семёновна как раз поставила новую пластинку. В столовой раздался громовой голос Шаляпина. Это позволило Верочкике несколько минут помолчать и выпить ещё водки.

– Гений! Самовыродок! – воскликнул полковник.

Верочка чуть не поперхнулась.

– Самородок!

– Дорогая, невежливо поправлять гостей.

– Ничего, буду теперь знать, как правильно, Геннадий Михалыч.

Настала неловкая пауза.

– Геннадий Михайлович, Вера Геннадьевна, я хотел задать вам один вопрос. Я знаком с вашей семьёй ни один год... Я помню Верочку совсем юной. Теперь она стала красивой женщиной. Да, я уже не так молод. И Верочке уже не восемнадцать.

«Сволота!» – мысленно крикнула Вера.

– Но я уверен, что смогу стать для неё надежным тылом. Я сделаю всё возможное, чтобы она стала счастливой. Смею ли я … это, надеяться, Вера Геннадьевна, что вы станете моей женой?

Верочка почувствовала, что зря выпила водку на голодный желудок. Её подташнивало. А ещё нужно было сформулировать ответ так, чтобы Виктор Петрович не сильно обиделся.

– Виктор Петрович, вы – замечательнейший человек. Я уверена, что вы можете сделать счастливой любую женщину. Но думаю, что я ещё не готова к семейной жизни. Работа занимает всё моё свободное время. Я хочу сосредоточиться на своей профессии. И поверьте, скоро вы поймёте, как вам повезло, что я не стала вашей женой. Вы найдёте женщину более хозяйственную, говорчивую, терпимую, которая оценит все ваши достоинства. Но это не я. И я не хочу, чтобы моим мужем был военный, потому что я знаю, каково было моей матери, столько путешествовать по гарнизонам с отцом.

Снова неловкое молчание. Вера похвалила себя за блестящую отказную речь: «Лучше сказать нельзя было». Виктор Петрович выпил рюмку водки.

– То есть вы мне отказываете?

– К сожалению, да.

Тут уже выпил генерал-майор.

– Вот что я скажу вам, барышня, – произнёс Одинцов, – возможно, я – ваш последний шанс. Вы уже не девочка и скоро, как знаете, может начаться война. Неужели вы хотите остаться одна-одинёшенька? Вы пропадёте. Я повторю своё предложение. Верочка, вы станете моей женой?

– Нет.

Она быстрее побежала в туалет, потому что её тошило. Когда она вернулась, полковника как ветром сдуло. Верочка включила «Лунную сонату» на граммофоне.

Генерал-майор не стал ждать окончания записи.

– Что это было, Вера Геннадьевна?! Полковник был так к тебе добр!

– Я не обязана выходить за каждого, кто ко мне добр.

– Как мне теперь ему в глаза смотреть?!

– Ну извини, папа, что я не одобрила твой выбор!

– Доча, я уже не так молод, я внуков нянчить хочу. Ты меня сведёшь в могилу! Воображаешь себя Верой Гейдриц! Или Кларой Цеткин.

– А ты во мне сомневаешься?

– Вера Гейдриц была одна. Не обязательно выбирать такой трудный путь! И тебе императрица Александра Федоровна, как той, теперь не поможет.

– Зато у меня есть ты.

– Всё – происки твоей матери! Говорил же ей – не забивай дочери голову всякой ерундой!

Фортепьяно, танцы, книжки – вот что вышло. Теперь и замуж тебя никто не возьмёт!

– Возьмёт кто-нибудь!

– Кто-нибудь и был полковник Одинцов!

– Вот наступит война, все вы, мужики, уйдёте на фронт, и кто вас будет оперировать?

Конечно же, мы – женщины-хирурги, и вам будет на это наплевать.

– На фронт собралась? Это тебе не в операционной работать. Там каждый день – сплошной риск, что ты ничем не сможешь помочь умирающему человеку. И тебе с этим придётся как-то смиряться.

– Ко всему привыкаешь.

– Да ты хоть знаешь, как называется трёхлинейная винтовка 1891–1930 года выпуска?

– Вопрос с подвохом. Трёхлинейная винтовка 1891–1930 года выпуска.

– Ты смотри, молодец.

– Мосинка, трёхлинейка – в народе. Да брось, я ж дочь генерала-лейтенанта.

– А мозгов кот наплакал! Одни разочарования!

Верочка поняла, что сейчас поможет только одно – слёзы. Она умело заплакала. Генерал совершенно не выносил женских слёз. Он мгновенно терялся и впадал в оцепенение. Это было для него что-то совсем непереносимое.

– Ну будет, будет. Прости, доча! Я перегнул палку. Ты же меня знаешь. Ладно, ладно, черт с этим полковником!

– А могу я теперь идти читать Чехова?

– Иди, доча, всё будет хорошо. Хочешь оперировать – оперирай. Не хочешь замуж – не ходи. Хочешь на фронт – иди.

«С мужчинами всё-таки проще», – подумала Верочка и пошла к себе в комнату.

В спальне она первым делом закрыла глаза, открыла «Чайку» и ткнула указательным пальцем в этот отрывок:

«Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит... И вы, бледные огни, не слышите меня... Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух».

– Как грустно.

Она захлопнула книгу. Из окна открывался вид на Красную площадь. «И что мне ещё нужно?» – вопрошала она у самой себя. Виляя хвостом, к ней подбежал огромный рыжий пёс Утёс, которого генерал-майор назвал в честь любимого исполнителя – Леонида Утёсова. Пёс был беспородным, но иногда Вере казалось, что у него такой глубокомысленный взгляд, будто он решает судьбу всего грешного мира. Утёс словно познавал тайны мировых философий и поэтому, наверное, не говорил ни слова, понимал – молчание есть признак мастерства мысли.

* * *

Веру утром вызвали к главному врачу. У неё сердце забилось чаще. С Карлом Иосифовичем они учились на одном курсе, только он поступил не сразу после школы, а на несколько лет позже – после армии. Айзенберг был тогда обычным кудрявым ботаником, которого интересовала исключительно наука. Вера всегда у него списывала лекции и просила помочь на контрольных. Айзенберг был всех на курсе старше, ответственнее, талантливее и перспективнее. Девушки на него всегда обращали внимание, хоть он и был худощавым, выглядел младше своего возраста. Он пленял всех своей преданностью профессии и чёрным медицинским юмором. Но он сразу выделил Веру. Он таскал за ней толстенные книги, провожал до дома, не отходил от неё в институте ни на шаг. Он смотрел на неё преданными влюблёнными щенячьими глазами, и Вере это внимание было приятно. Незаметно парень стал занимать в её жизни чуть ли не главное место. Она уже не могла представить, как можно без него обходиться. И преданность Карлуши её подкупила, он не обращал внимания ни кого другого, для него существовала только Вера. Вместе они даже ездили отдыхать на дачу его деда. И там их отношения вышли на новый уровень. Вскоре все начали говорить об их свадьбе. Это был уже пятый курс. Но вскоре на горизонте появилась профессорская дочь. Её отец мог обеспечить Айзенбергу, в совокупности с его талантом, головокружительную карьеру. Родители Карлуши сделали всё возможное, чтобы он согласился на эту выгодную партию. Дочь профессора в его ситуации была предпочтительнее дочери военного. О его свадьбе она узнала уже как о свершившемся факте. Её девичье сердце было разбито вдребезги. Она плакала ночами напролёт в подушку,

хотела выброситься в окно и ненавидела родителей Карлуши со всей силой обманутой двадцатилетней девушки. Геннадий Михайлович забеспокоился и даже вызвал доктора, чтобы тот прокапал ей успокоительное. Врач к его удивлению сообщил, что Вера ждёт ребёнка. Кузнецов вышел из себя, бил кулаками по столу и обещал Веру застрелить «Карлушу». И тут в дело вмешался сам Карл. Айзенберг пришёл к Вере, два часа успокаивал её, говорил, что родители его заставили заключить брак. Также он нашёл ей врача, который сделал аборт. Вера тогда ещё находилась под влиянием Айзенберга, безоговорочно ему доверяла. Потом их отношения даже какое-то время продолжались, пока Вера не осознала с полной отчётливостью, что он её предал. Она почувствовала, что ей пренебрегли ради более удачной партии. Это открытие стало для неё настоящим откровением. Она впервые в жизни ощущала себя отвергнутой, а в двадцать лет это гораздо больнее, чем, скажем, в двадцать пять, тридцать, сорок. Это стало для неё чуть ли не трагедией всей жизни. С тех пор она не доверяла мужчинам и решила сосредоточиться на профессии. Каждый успех Айзенберга глубоко бил по её самолюбию, а успехов у него было много. Он постоянно выступал в Московском хирургическом обществе, стал «мэтром» желудочной хирургии. И каким-то чудом, при посредничестве то ли своего тестя то ли своего таланта, а, может быть, и обоих, он возглавил в тридцать четыре года московскую больницу. И так как Верочку побаивались брать на работу из-за её непростого характера и неподходящего для профессии хирурга женского пола, ей пришлось обратиться к Айзенбергу. Тот с радостью помог ей с работой, и к тому времени Вера уже не так на него злилась и могла общаться с «Карлушей» довольно спокойно. И они снова стали встречаться: урывками, тайком, когда у того была возможность сбежать от семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.